

Миграционный прирост населения в России: факторы, перспективы, выводы для миграционной политики

Эконометрические модели приводят к выводу, что в настоящее время миграционный прирост населения Российской Федерации зависит от экономико-демографической ситуации не столько в России, сколько в странах постсоветского пространства. С течением времени миграционная привлекательность нашей страны снижается. В долгосрочной перспективе уровень миграционного прироста будет зависеть прежде всего от ее экономического развития по сравнению с другими государствами, а также от отношения к иммигрантам. Большое внимание уделено этническим факторам и миграционным сетям.

Ключевые слова: миграция населения, чистая миграция, миграционная политика, постсоветское пространство.

1. Введение.

Теоретические и эмпирические основания для моделирования миграционного прироста населения в России

Адекватное прогнозирование миграционного прироста населения в России невозможно без анализа факторов, определяющих миграционные процессы на постсоветском пространстве. К настоящему времени в мире накоплен большой опыт построения моделей миграционных процессов и выявлены их основные факторы. Подробный обзор существующих подходов к моделированию миграции представлен в работах ряда российских и зарубежных ученых (Денисенко, 1995; Greenwood, Hunt, 2003; Алешковский, 2005; Массей, 2007).

Первые эконометрические модели миграционных потоков — *интерактивные* (Young, 1924) и *гравитационные* (Stewart, 1947; Zipf, 1946) — основывались на наблюдении Э. Равенштейна, сделанном в конце XIX в. Он заметил, в частности, что масштабы миграционных потоков положительно связаны с численностью населенных пунктов (или стран, регионов) и отрицательно — с расстоянием между ними (Ravenstein, 1989). Но эти модели не объясняли, почему в одном направлении потоки мигрантов часто бывают больше, чем в обратном. Таким образом, хотя параметр R^2 подобных моделей довольно высок, они не годятся для объяснения миграционного прироста.

С 1960-х годов появляются модели, сочетающие логарифмическую форму и переменные, типичные для гравитационных моделей, с экономическими факторами. Так, И. Лоури добавила в модель факторы, характеризующие уровень безработицы и заработной платы в регионах исхода и прибытия, а также заменила численность населения на численность рабочей силы. Эта модель, протестированная Э. Роджерсом, показала высокий уровень объясняемо-

сти ($R^2 > 0.9$), но все переменные, кроме численности рабочей силы, расстояния и заработной платы в регионе исхода, были незначимыми даже на 5%-ном уровне (Rogers, 1967).

Именно потому, что влияние численности населения на абсолютные показатели миграции так велико, что они вытесняют из моделей другие факторы, в моделях миграционного прироста в России автором в качестве объясняемых переменных выбраны относительные показатели (на 10 000 населения стран *исхода*). Влияние географических расстояний велико и сегодня, но не в такой степени, как полвека назад, когда создавались гравитационные модели. Для международной миграции в настоящее время гораздо сильнее влияние близости культурно-исторической. Поэтому в моделях для Российской Федерации проанализирован миграционный прирост в обмене населением со странами постсоветского пространства: эти государства остаются основными миграционными донорами России. Аналогом гравитационного притяжения можно считать также прошлые миграционные связи.

Модели *пространственного движения* В. Алонсо принимают во внимание, что потенциальный мигрант может сравнивать место своего проживания не с одним регионом, а со всеми возможными регионами назначения (Alonso, 1978).

На этой идее Алонсо основано использование автором данной работы такой переменной, характеризующей страну прибытия или выбытия, как *экономическое развитие относительно среднемирового уровня (ЭРОСМУ)*. Ее применение вместо абсолютных показателей делает данные об относительном экономическом развитии сравнимыми во времени, что очень важно при панельном анализе. Кроме того, это позволяет увеличить число наблюдений в анализе миграционного прироста в странах мира, потому что становится не важно, в каких единицах оценивался уровень экономического развития: в ценах 2000 или 2005 г. Параметр рассчитан как процентное отношение ВВП на душу населения по паритету покупательной способности к среднемировому уровню. Числитель и знаменатель выражены в международных долларах: в 1975–1979 гг. — в ценах 2000 г., с 1980 г. — в ценах 2005 г. (*constant 2005 international \$*).

В 1960-е годы Э. Ли была предложена *теория факторов миграции*, согласно которой на принятие решения о миграции влияют «выталкивающие» и «притягивающие» факторы: одни характеризуют страну/регион выбытия, другие — прибытия. Кроме того, важны сопутствующие обстоятельства (законодательство, транспортные издержки) и факторы, являющиеся характеристикой мигрантов. Некоторые факторы притяжения значимы для всех (например, хороший климат), другие — лишь для отдельных категорий мигрантов (Lee, 1966). Модели факторов миграции получили широкое распространение, и за годы их использования протестировано множество различных переменных.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов исследователями было обнаружено, что на миграционные потоки значительное влияние оказывают прошлые миграционные и этнические связи. В западной миграционной литературе появляются такие понятия, как «покровительство» миграции (Tilly, Brown, 1967), «эффект семьи и друзей» (Levy, Wadycki, 1973), «цепная миграция» (MacDonald, MacDonald, 1974). Л. Рыбаковский выявил, что тесные миграционные связи сложились между Приморским краем, в населении которого из всех регионов РСФСР была самая большая доля украинцев, и Украиной (Рыбаковский, 1973).

В модели факторов миграции переменная, характеризующая *прошлые миграционные связи* между регионами, впервые добавлена М. Гринвудом (Greenwood, 1969). В его модели численность людей, мигрировавших в штат J из штата I , положительно зависела от численности людей, родившихся в штате J и проживавших в штате I за 10 лет до этого. В резуль-

тате объясняемость зависимой переменной стала значительно выше (значение параметра R^2 увеличилось с 0.41 до 0.72).

В моделях для России, представленных в следующем разделе настоящей статьи, похожей по смыслу переменной, отражающей прошлые миграционные потоки, является «доля лиц титульной национальности (этнической принадлежности) в населении страны исхода». Чем больше значение этого параметра, тем меньше миграция в Россию из этой страны. Влияние данного фактора было особенно велико в 1990-е годы, когда действовали мощные выталкивающие факторы из государств исхода (политические потрясения, экономический спад), и многие люди неожиданно оказались «иностранцами» в чужом для себя государстве.

С 1977 г. в моделях миграции появляется такой показатель, как «относительная численность мигрантов из страны, которые уже обосновались в стране назначения» (Dunlevy, Gemery, 1977). В современной демографической литературе этот фактор получил название «миграционные сети»¹. Д. Массей называет его «эффектом обратной связи» и «кумулятивной причинностью» (Массей, 2007). Смысл фактора «миграционные сети» в том, что наличие в стране *A* многочисленной диаспоры из страны *B* облегчает адаптацию в стране *A* новых переселенцев из страны *B* с убывающей предельной отдачей.

В моделях для России используются две близкие по смыслу переменные: «миграционные сети» и «этнические сети» (методика их расчета приведена в табл. 2). Положительное влияние фактора «этнические сети» начинает расти в 2000-е годы, когда миграция на постсоветском пространстве принимает преимущественно трудовой характер, а в миграционном приросте в России увеличивается доля людей с титульной для государств постсоветского пространства этнической принадлежностью.

Мини-опрос, проведенный автором статьи на одном из московских рынков, подтвердил, что самым надежным способом для мигранта найти работу является помощь земляков.

Из других теоретических положений, которые были использованы, отметим микроэкономические модели, основанные на теории человеческого капитала. Они объясняют, почему наибольшая склонность к миграции проявляется в молодом возрасте (Денисенко, 1995). На этом основании в моделях для России применялся фактор «доля молодежи в населении», выраженный через переменные «изменение доли детей в населении за 20 лет» и «доля детей в период $t - 20$ ».

Отметим также положения Д. Массея о том, что всеобъемлющая модель международной миграции должна помимо прочего отражать потребности работодателей и предпочтения мигрантов.

Поскольку в данной работе использованы относительные объясняемые переменные, то параметр «численность населения страны» отражает то обстоятельство, что в большой стране больше возможностей и для улучшения своего положения (для потенциальных мигрантов), и для удовлетворения спроса на рабочую силу за счет внутренних резервов (для работодателей). В связи с этим «численность населения страны» является сдерживающим фактором как для принимающих государств, так и для отдающих свое население. Таким образом, в модели для стран с положительным миграционным приростом она должна входить со знаком минус, а с отрицательным — со знаком плюс (с убывающей предельной отдачей, поэтому в логарифмическом виде). Тестирование на моделях для стран мира показало справедливость этих предположений. В моделях из табл. 1 все переменные использовались

¹ В англоязычной литературе — *migrant networks*; в немецкоязычной — *Netzwerk*.

в виде средних арифметических за 15 лет, чтобы снизить влияние перемещений беженцев и случайных колебаний. Были взяты 4 периода: 1976–1990 гг., 1981–1995 гг., 1986–2000 гг. и 1991–2005 гг., таким образом, для каждой страны имеются 4 наблюдения. Объясняемая переменная — коэффициент миграционного прироста/убыли: сальдо миграции на 10 000 жителей страны в год.

Таблица 1. Модели миграционного прироста в странах мира

| | Модель А: все наблюдения | | Модель В: страны КМП > 0 | | Модель С: страны КМП < 0 | |
|--------------------------|-----------------------------|------------------|-----------------------------|------------------|-----------------------------|------------------|
| | 190 стран | | 88 стран | | 111 стран | |
| | Коэффици- енты | Станд. ошибка | Коэффици- енты | Станд. ошибка | Коэффици- енты | Станд. ошибка |
| Constant | –48.4**** | 3.66 | –6.98 | 9.12 | –73.8**** | 3.96 |
| ЭРОСМУ | 0.252**** | 0.014 | 0.160**** | 0.018 | 0.185**** | 0.032 |
| Экономический рост | 7.01**** | 0.77 | 6.57**** | 1.65 | 5.34**** | 0.74 |
| Изменение доли детей | –3.64**** | 0.51 | –1.53* | 0.79 | –3.40**** | 0.52 |
| Население (млн), LN | — | — | –4.91** | 1.95 | 10.5**** | 1.01 |
| R ² | 0.427 | | 0.326 | | 0.435 | |
| Количество наблюдений | 537 | | 236 | | 293 | |

*, **, **** — уровень значимости 10%, 5% и 0.1% соответственно.

Источник данных: Всемирный Банк.

Факторы численности населения и изменения в рождаемости оказались особенно важны для стран исхода. Изменение доли молодежи в населении принимающих стран может оказывать некоторое влияние на потребность работодателей в дополнительной рабочей силе.

Помимо теоретических положений, предпосылками для построения моделей для России послужило тестирование ряда предикторов на моделях для стран мира. Это было особенно важно для выбора демографических переменных.

Дело в том, что вопрос о связи миграционных и демографических процессов занимает важное место в теории миграции, начиная с работ У. Зелински (Zelinsky, 1971, 1979). С одной стороны, в последние годы появляются сообщения, что некоторая часть пожилого населения в развитых странах стремится переехать туда, где лучше климат и дешевле жизнь (Szöke, 2006), с другой — согласно теории «второго демографического перехода», одним из авторов которой является Дирк ван де Каа, миграционный прирост населения отрицательно связан с уровнем естественного прироста (так называемая «замещающая миграция») (Каа van de, 1999).

Однако эконометрический анализ не выявил отрицательной связи между естественным и миграционным приростом в странах мира. Таким образом, *негативное демографическое развитие не влечет за собой автоматическое замещение за счет иммиграции: оно возможно лишь в случае миграционной привлекательности принимающей страны.*

Мировые модели позволили также адекватно оценить уровень миграционного прироста населения в России, который оказался завышен по сравнению с другими странами. Лишь для пяти стран положительные остатки в панельной модели В (табл. 1) в период 1991–2005 гг. были больше, чем для России (ОАЭ, Сингапур, Иордания, Израиль, Гамбия).

Согласно коэффициентам частной корреляции модели В *важнейший фактор миграционной привлекательности страны — ее экономическое развитие по сравнению с другими странами*, а в этом отношении позиции России достаточно скромные. Она уступает десяткам государств, где проживает более 20% мирового населения, и которые, как правило, также являются принимающими странами. Так что в долгосрочной перспективе уровень миграционного прироста населения в нашей стране будет зависеть от того, в какой степени потенциальные мигранты из стран постсоветского пространства станут ориентироваться преимущественно на Россию.

2. Факторы миграционного прироста населения в России

Во все представленные ниже модели, как правило, включались только значимые предикторы с условием, что знаки при коэффициентах соответствовали теоретическим предположениям. Чтобы снизить влияние случайных колебаний, все переменные (табл. 2) использованы в виде скользящих средних. При анализе данных текущего учета населения — с интервалом скользящего 2 года, а при анализе сальдо пересечения российской границы — 3 года.

Таблица 2. Список переменных

| Переменная | Характеристика | Гипотеза о влиянии |
|-------------------------------|---|--------------------|
| Объясняемые переменные | | |
| Текущий учет (ТУ) | $Y_{1,t}$ — миграционный прирост в России по данным учета по месту жительства в году t в обмене со страной j на 10 000 населения страны исхода j (14 стран постсоветского пространства). Данные имеются с 1971 г. | |
| Пограничный контроль (ПК) | $Y_{2,t}$ — миграционное сальдо граждан страны j в России по данным пограничного контроля в году t на 1000 населения страны исхода j (11 стран постсоветского пространства, кроме Прибалтики). Данные имеются с 1998 г. (Численность и миграция, 1999–2009 гг.) | |
| Предикторы | | |
| Экономические факторы | | |
| Рост ВВП, СИ | Экономический рост в стране исхода, % к предыдущему году. Данные Всемирного Банка (1990–2008 гг., за 2009 г. — оценка МВФ) | Отрицательное |
| ЭРОСМУ, СИ | Экономическое развитие страны исхода (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) относительно среднемирового уровня, %. Использован временной лаг в 1 год. Данные Всемирного Банка | Отрицательное |

Продолжение табл. 2

| Переменная | Характеристика | Гипотеза о влиянии |
|---|--|--------------------|
| ЭР-СИ-ОУРос | Экономическое развитие страны исхода (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности) относительно уровня России, %. Использован временной лаг в 1 год. Данные Всемирного Банка | Отрицательное |
| Миграционные сети и этнические факторы | | |
| Титульная национальность | Доля в населении страны исхода людей титульной этнической принадлежности, %. Источники: перепись населения СССР 1989 г., переписи стран постсоветского пространства | Отрицательное |
| Миграционные сети, ТУ | Процентное отношение миграционного сальдо (по данным <i>текущего учета</i>) нарастающим итогом с момента возникновения положительного чистого прироста (S_{t-1}) с учетом смертности, к численности населения P_t страны исхода. При расчете предполагалось, что общий коэффициент смертности мигрантов тот же, что и всего населения России | Положительное |
| Миграционные сети, ПК | От предыдущей переменной отличается источником информации. Поскольку данные <i>пограничного контроля</i> есть только с 1998 г., к ним прибавляют миграционное сальдо по данным <i>текущего учета</i> с момента возникновения положительного чистого прироста в обмене с данной страной исхода по 1997 г. Выбывание по смертности также учитывается | Положительное |
| Миграционные сети, ТУ, LN | Натуральный логарифм от переменной «миграционные сети, ТУ» | Положительное |
| Миграционные сети, ПК, LN | Натуральный логарифм от переменной «миграционные сети, ПК» | Положительное |
| Миграционные сети, ТУ, кв. | Квадрат от переменной «миграционные сети, ТУ» | Отрицательное |
| Миграционные сети, ПК, кв. | Квадрат от переменной «миграционные сети, ТУ» | Отрицательное |
| Этнические сети | Процентное отношение численности этнической группы, титульной для страны исхода, в постоянном населении России к численности населения страны исхода. Источники: переписи населения России 1989 г. и 2002 г., а также данные Росстата по этническому составу миграционного прироста населения в России по 2007 г. За 2008 и 2009 гг. — оценка автора. Предполагается, что естественный прирост/убыль всех этнических групп в России одинаков | Положительное |
| Этнические сети, LN | Натуральный логарифм от переменной «этнические сети» | Положительное |
| Этнические сети, кв. | Квадрат от переменной «этнические сети» | Отрицательное |
| Демографические переменные | | |
| Изменение доли детей, СИ | Разность между долей детей (в процентах от всего населения) в году $t-20$ и t в стране исхода | Положительное |

Окончание табл. 2

| Переменная | Характеристика | Гипотеза о влиянии |
|--|---|--------------------|
| Изменение доли детей, P | Разность между долей детей (в процентах от всего населения) в году $t-20$ и t в России | Отрицательное |
| Дети ($t-20$) | Доля детей в населении страны исхода в период $t-20$, % | Положительное |
| ОПЖ в возрасте 5 лет | Разница между показателями ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 5 лет в стране исхода и в России в году $t-1$. Источники: Росстат, Всемирный Банк, www.mortality.org | Отрицательное |
| Численность населения, LN | Натуральный логарифм от численности населения страны исхода, млн человек | Отрицательное |
| Фактор времени и фиктивные переменные | | |
| Время | Переменная равна 1 в 1990–1991 гг., 2 — в 1991–1992 гг., ..., 19 — в 2008–2009 гг., ... | Отрицательное |
| Время, LN | Натуральный логарифм от предыдущей переменной | Отрицательное |
| 2001–2006 гг. | Переменная равна 1 в 2001–2002, ... 2005–2006, в остальных случаях — 0 | Отрицательное |

Объясняемых переменных две, потому что есть два разных источника данных: учет по месту жительства² и пограничный контроль. Предполагается, что первый источник характеризует смену места проживания, а второй — в основном временную иммиграцию, в частности, трудовую. В табл. 3 показано, как данные менялись с течением времени и как соотносятся между собой.

У каждого из этих источников есть свои специфические недостатки. В Рекомендациях ООН по статистике международной миграции отмечается, что когда учет ведется на основании регистров по месту жительства, то характерным недостатком является недоучет выбывания из страны: и потому, что снятие с учета нередко не является обязательным, и потому, что это бывает невыгодным для отдельных категорий выбывающих. Например, для мигрантов, которые при получении права на проживание в стране стремились облегчить себе пересечение границы или получить другие преференции (в России это облегчает возможность работать или заниматься бизнесом). Для статистики пересечений границы иностранными гражданами также свойственно завышение миграционного сальдо, обычно еще более значительное, поскольку при въезде иностранцев применяется, как правило, более строгий контроль, чем при выезде (ООН, 1998 г.).

После введения так называемых «миграционных карт» (с 2003 г.) методика оценки численности прибывающих и выбывающих иностранных граждан в России стала ближе к Рекомендациям ООН, поэтому представленные данные должны заслуживать большего доверия. Упрощение процедуры временной регистрации иностранных граждан, установленной Федеральным законом от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 19 июля 2009 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (принят

² Российское законодательство различает категории «постоянное проживание», «временное проживание» и «временное пребывание». Временное пребывание в России остается вне текущего учета по месту жительства. В 2001–2006 гг. текущим учетом не фиксировалось также временное проживание иностранных граждан.

Таблица 3. Среднегодовые показатели миграционного сальдо по двум источникам данных (человек)

| Годы | Данные пограничной службы России по гражданам государств | | | | Данные текущего учета |
|-----------|---|-----------|--|-------------------|--------------------------|
| | всех государств | Украины | Казахстана и государств Средней Азии | других государств | |
| 1990–1992 | н. д. | н. д. | н. д. | н. д. | 225 767 |
| 1993–1997 | н. д. | н. д. | н. д. | н. д. | 637 120 |
| 1998–2000 | 3 913 067 | 2 569 574 | 728 924 | 614 569 | 226 182 |
| 2001–2002 | 2 630 958 | 1 612 043 | 660 138 | 358 778 | 75 106 |
| 2003–2006 | 1 609 113 | 782 730 | 457 514 | 368 868 | 78 560 |
| 2007 | 1 491 104 | 512 707 | 639 616 | 338 781 | 239 943 |
| 2008 | 1 491 953 | 539 967 | 618 097 | 333 889 | 242 106 |
| 2009 | н. д. | н. д. | н. д. | н. д. | 247 448 |

Источники: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo42.htm, «Численность и миграция населения РФ (1999–2009 гг.)».

н. д. — нет данных.

ГД ФС РФ 30 июня 2006 г.), также способствовало улучшению качества статистики. И все же сальдо миграции иностранных граждан, по данным пограничного контроля, в 2008 г., вероятно, является, завышенным. Дело в том, что по новому законодательству с 2007 г. срок временного пребывания в России стал строго ограничен 1 годом, вследствие этого дорогостоящий выезд за границу может иногда заменяться платными услугами по новому фиктивному въезду — их предложение нетрудно найти в Интернете.

Данные текущего учета не меньше страдают от изменений в законодательстве. Так, в 2001–2006 гг. действовали такие правила и ограничения, которые приводили к значительному занижению показателей миграционного прироста, что хорошо видно из табл. 3. Поэтому для этого периода введена фиктивная переменная.

Учитывая изменения как в законодательстве, так и в движущих силах миграционных процессов, для анализа данных текущего учета были выбраны два пересекающихся (чтобы увеличить число наблюдений) временных периода: 1990–2000 гг. и 1997–2009 гг. Первый период включает в себя как главное событие — распад СССР, а миграционные потоки являются по своему характеру либо возвращением на прежнее место жительства, либо потоками беженцев. В связи с этим возрастная структура населения не имеет никакого значения, большую роль играет фактор прошлых миграционных потоков и зеркальный ему по смыслу фактор складывающихся миграционных связей, а из экономических факторов важен лишь обвал экономики в странах исхода. Постепенно шок от распада страны проходит, поэтому значим фактор времени (табл. 4).

Во втором периоде все большая часть миграционных потоков носит трудовой характер. Это касается не только сальдо пересечений российской границы, но и смены места проживания. Об этом говорит изменение этнической и возрастной структуры миграционного прироста населения по данным текущего учета. Так, в 2008 г. лица трудоспособных возрастов составили более 80% всего миграционного прироста постоянного населения, в том числе

Таблица 4. Текущий учет (1990–2000 гг.), 14 стран постсоветского пространства

| Фактор | Коэффициенты | Станд. ошибка |
|-------------------------------|--------------|---------------|
| Constant | 57.3**** | 15.6 |
| Рост ВВП, СИ | –1.230**** | 0.318 |
| Титульная национальность | –0.563*** | 0.199 |
| Миграционные сети, ТУ | 13.20**** | 2.53 |
| Миграционные сети, ТУ, кв. | –0.454** | 0.228 |
| Время | –3.57*** | 1.24 |
| 136 наблюдений; $R^2 = 0.512$ | | |

, *, **** — уровни значимости 5%, 1% и 0.1% соответственно.

у мужчин доля лиц трудоспособных возрастов — 85.4%. Особенно велика в миграционном приросте доля молодежи 20–34 лет (по сравнению с другими возрастными группами). Соответственно среди факторов миграции усиливается влияние этой доли в населении (выражена через переменные «изменение доли детей в населении страны исхода за 20 лет» и «доля детей в населении страны исхода в период $t-20$ ») и фактора этнических сетей (табл. 5).

Таблица 5. Текущий учет (1997–2009 гг.), 11 стран постсоветского пространства

| Фактор | Модель А | | Модель В | |
|------------------------------|--------------|---------------|--------------|---------------|
| | Коэффициенты | Станд. ошибка | Коэффициенты | Станд. ошибка |
| Constant | 55.2*** | 17.6 | 47.2** | 20.7 |
| Рост ВВП, СИ | –0.920**** | 0.266 | –0.885**** | 0.271 |
| ЭРОСМУ, СИ | –0.210** | 0.104 | –0.210** | 0.104 |
| Изменение доли детей, СИ | 7.48**** | 0.96 | 7.68**** | 1.00 |
| Дети ($t-20$) | 1.192**** | 0.288 | 1.196**** | 0.289 |
| Титульная национальность | –1.005**** | 0.196 | –1.042**** | 0.203 |
| Этнические сети, LN | 11.12**** | 1.89 | 11.26**** | 1.91 |
| Миграционные сети, ТУ | 5.18** | 2.42 | 5.37** | 2.44 |
| Миграционные сети, ТУ, кв. | –0.299* | 0.175 | –0.317* | 0.177 |
| 2001–2006 | –6.80*** | 2.58 | –6.27** | 2.68 |
| Численность населения, LN | –1.94 | 1.85 | –1.98 | 1.86 |
| Время | –3.03**** | 0.59 | –1.24 | 2.51 |
| Изменение доли детей, Россия | — | — | –2.93 | 3.99 |
| R^2 | 0.670 | | 0.671 | |
| Количество наблюдений | 132 | | 132 | |

*, **, ***, **** — уровни значимости 10%, 5%, 1% и 0.1% соответственно.

Сегодня демографический фактор в большинстве государств постсоветского пространства способствует миграционной убыли, а значит миграционному приросту в России. Этот факт связан с волнообразным демографическим развитием в этих странах: в 1980-е годы

почти на всем постсоветском пространстве наблюдался рост рождаемости, но затем наступил спад. Дольше всего рост доли детей в населении продолжался в Таджикистане (по 1994 г.), Киргизии (по 1993 г.), Азербайджане (по 1992 г.) и Узбекистане (по 1991 г.). В абсолютных цифрах совокупная максимальная численность детей 0–14 лет на постсоветском пространстве, исключая Россию и страны Балтии, отмечалась в 1993 г., а в шести странах, где пока продолжается положительный естественный прирост (Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), — в 1995 г. Таким образом, уже в ближайшие годы демографический фактор в новых независимых государствах начнет способствовать снижению миграционного прироста в России. Более подробно демографические ограничения стран исхода уже рассматривались автором в работе (Лифшиц, 2009).

Поскольку миграционные процессы затрагивают очень большую часть населения постсоветского пространства, удастся установить, что положительное влияние фактора «миграционные сети» имеет определенный предел насыщения, после чего начинается обратная реакция. Поэтому в моделях по данным текущего учета использована квадратичная форма переменной «миграционные сети» (где квадрат параметра «миграционные сети, ТУ» входит в уравнение со знаком минус) вместо логистической, что повышает объясняющую способность моделей (табл. 4 и 5). Для похожей переменной «этнические сети» в рассматриваемых моделях предел насыщения пока не выявлен, поэтому здесь она использована в логарифмическом виде.

В табл. 5 даны модели лишь для 11 стран постсоветского пространства, за исключением государств Прибалтики, для которых в 2000-е годы главными были иные факторы (табл. 6). Панельный анализ свидетельствует о том, что единственная причина, по которой в Россию все еще идет оттуда тоненький ручеек мигрантов, — высокая доля русскоязычного населения в этих странах. А главная причина, почему этот ручеек так тонок, заключается в более высоком качестве жизни по сравнению с Россией. Отсутствие в моделях демографических переменных позволяет предположить, что для молодежи из этих стран Россия непривлекательна как место для проживания. О том же говорят и другие данные. Так, в 2008 г. доля в миграционном приросте населения старше трудоспособного возраста (по российским критериям) из Латвии, Литвы и Эстонии составила 24.7%, 22.5% и 18.9% соответственно, в то время как из всех стран — в среднем лишь 9.5% (Численность и миграция, 2009). Отсюда и отрицательное влияние фактора времени: уходят поколения, которые воспринимают Россию как свою родину. Что же касается миграционно-этнических сетей, то для России их влияние в данном случае, скорее, негативное.

Поскольку потенциальные мигранты из Прибалтики больше не ориентированы на Россию, то переменная «экономический рост, СИ» тут незначима. Для остальных 11 стран постсоветского пространства, напротив, это важнейшая экономическая переменная. В период мирового экономического кризиса наблюдались ожидания, что экономический спад в России приведет к снижению миграционного прироста постоянного населения. В действительности же экономический кризис в ряде стран постсоветского пространства способствовал увеличению миграционного прироста в Россию в 2009 г. А из тех стран, где продолжался экономический рост (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан), миграционный прирост в Россию уменьшился. Исключение — Таджикистан, откуда миграционный поток в Россию увеличился, несмотря на рост ВВП на 2%. Причина в том, что это беднейшая страна на всем постсоветском пространстве с самым молодым населением. В последние месяцы 2009 г., когда падение экономики в странах исхода остановилось,

Таблица 6. Текущий учет. Эстония, Литва, Латвия (1998–2009 гг.)

| Фактор | Модель А | | Модель В | | Модель С | |
|----------------------------|--------------|---------------|--------------|---------------|--------------|---------------|
| | Коэффициенты | Станд. ошибка | Коэффициенты | Станд. ошибка | Коэффициенты | Станд. ошибка |
| Constant | 23.10**** | 2.44 | 11.28** | 4.30 | 58.54**** | 10.46 |
| Рост ВВП, СИ | –0.006 | 0.039 | – | – | – | – |
| ЭР-СИ-ОУРос | –0.042*** | 0.015 | –0.067**** | 0.015 | –0.103**** | 0.026 |
| Титульная национальность | –0.096**** | 0.017 | – | – | –0.774**** | 0.144 |
| Время, LN | –3.357**** | 0.792 | –3.50**** | 0.88 | – | – |
| 2001–2006 | –0.979** | 0.395 | –1.01*** | 0.33 | – | – |
| Миграционные сети, ТУ | – | – | 6.59 | 4.11 | – | – |
| Миграционные сети, ТУ, кв. | – | – | –1.02 | 0.71 | – | – |
| Миграционные сети, ТУ, LN | – | – | – | – | –5.54**** | 1.10 |
| Этнические сети | – | – | – | – | 24.27**** | 5.43 |
| Этнические сети, кв. | – | – | – | – | –3.80** | 1.44 |
| R ² | 0.788 | | 0.813 | | 0.887 | |
| Количество наблюдений | 33 | | 33 | | 33 | |

*, **, ***, **** — уровни значимости 10%, 5%, 1% и 0.1% соответственно.

уменьшился и миграционный прирост в России по сравнению с тем же периодом 2008 г. (табл. 9). Экономический рост в России не оказывал значимого влияния на миграционный прирост ни в 1990-е, ни в 2000-е годы, ни по данным текущего учета, ни по данным пограничного контроля.

В модели второго периода (табл. 5–7) входят также экономические переменные, характеризующие относительный уровень экономического развития стран исхода: либо относительно уровня России, либо относительно среднемирового уровня. В модель включалась та из них, которая имела с объясняемой переменной более высокий частный коэффициент корреляции и давала большее значение параметра R^2 . И здесь интересно то, что для прибалтийских стран, уже утративших особые связи с Россией, и для временной трудовой миграции, которая носит прагматический характер (табл. 6 и 7), важен уровень по сравнению с Россией, а для перемещений на постоянное место жительства из 11 стран более значима переменная «ЭРОСМУ страны исхода».

Возможно, это происходит потому, что миграционный прирост постоянного населения в России в настоящее время выше, чем он мог бы быть, если бы был обусловлен только экономической ситуацией в стране. Следовательно, для большинства стран постсоветского пространства Россия пока еще сохраняет свою особую роль. И эта особая роль сегодня

поддерживается не только общим прошлым и культурной близостью, но и безвизовым режимом, и сложившимися миграционными связями.

На рис. 1 показано, как изменялся параметр ЭРОСМУ в странах постсоветского пространства и для сравнения в Китае. Наибольшее значение ЭРОСМУ в этих странах наблюдалось в Эстонии в 2007 г. (204.6), а наименьшее — в Таджикистане в 1997 г. (12.0). Страны в легенде перечислены в порядке убывания ЭРОСМУ в 2009 г. Данные за 2009 г. предварительные, основаны на оценке МВФ экономического роста в мире и отдельных странах и демографической динамике. В 2009 г. свое положение в мире улучшили Азербайджан, Туркменистан и Китай, обогнавшие Украину, а также Узбекистан (вероятно, за счет укрепления экономических связей с Китаем и Туркменистаном).

Модели сальдо миграции, по данным пограничного контроля, (см. табл. 2) имеют ряд особенностей (табл. 7). Прежде всего согласно частным коэффициентам корреляции здесь *важнейшим фактором является разница в уровне смертности взрослого населения в России и в странах исхода*, поскольку временные трудовые мигранты на сегодняшний день — самая незащищенная часть населения России, чаще остальных погибающая от насилия и производственного травматизма.

Для факторов «миграционные» и «этнические» сети здесь уже видны пределы насыщения (хотя и в отдаленной перспективе), но при использовании квадратичной формы этих

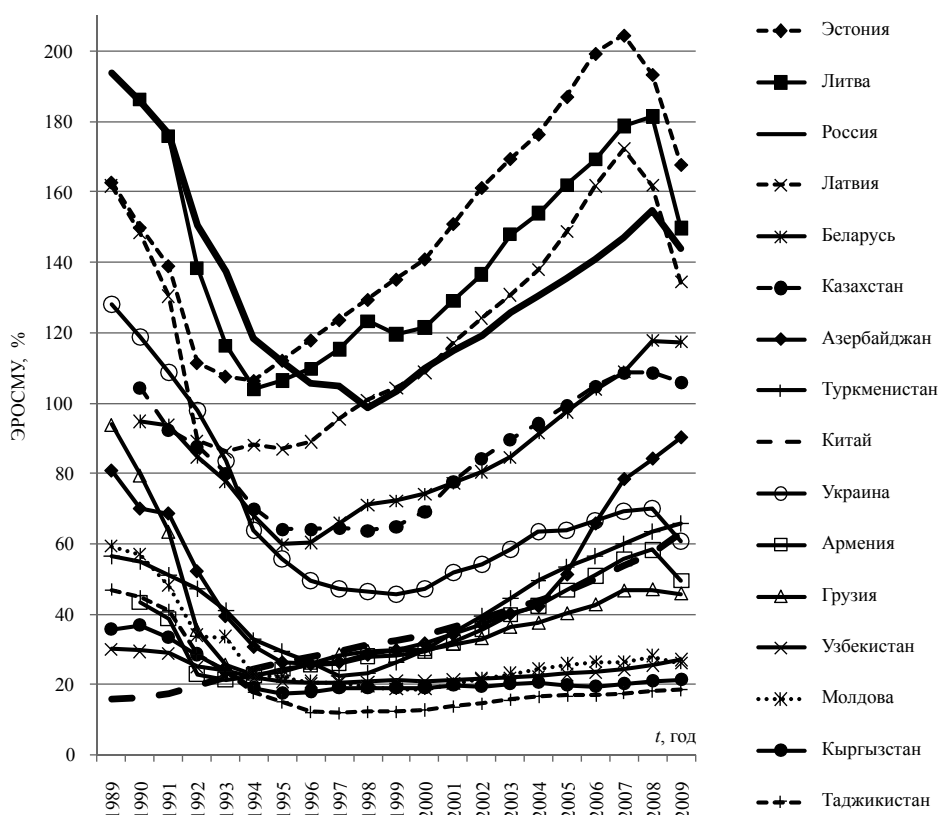


Рис. 1. ЭРОСМУ в странах постсоветского пространства и Китае

Источник: Всемирный Банк, 2009.

Таблица 7. Пограничный контроль (1998–2008 гг.), 11 стран (99 наблюдений)

| Фактор | Модель А | | Модель В | |
|----------------------------|--------------|---------------|--------------|---------------|
| | Коэффициенты | Станд. ошибка | Коэффициенты | Станд. ошибка |
| Constant | 38.75**** | 4.50 | 33.45**** | 4.35 |
| Рост ВВП, СИ | –1.104**** | 0.180 | –1.208**** | 0.160 |
| ЭР-СИ-ОУРос | –0.310**** | 0.060 | –0.296**** | 0.054 |
| ОПЖ в возрасте 5 лет | –4.498**** | 0.585 | –4.700**** | 0.466 |
| Миграционные сети, ПК | 1.401**** | 0.285 | – | – |
| Миграционные сети, ПК, кв. | –0.017** | 0.007 | – | – |
| Миграционные сети, ПК, LN | – | – | 8.774**** | 1.269 |
| Этнические сети | 2.041**** | 0.515 | – | – |
| Этнические сети, кв. | –0.042*** | 0.013 | – | – |
| Этнические сети, LN | – | – | 5.382**** | 0.926 |
| Время | –0.942** | 0.372 | –0.793** | 0.329 |
| R ² | 0.730 | | 0.757 | |

*, **, ***, **** — уровни значимости 10%, 5%, 1% и 0.1% соответственно.

переменных объясняющая способность модели пока меньше, чем при логарифмической. По-видимому, это связано с тем, что пока лишь для немногих стран исхода (почти) достигнуты свои пределы влияния указанных факторов. В качестве примеров можно привести Армению и Молдову. Так, миграционное сальдо граждан Армении, по данным пограничного контроля, относительно невелико, хотя значение параметра «этнические сети» самое большое. Сальдо пересечения российской границы гражданами Молдовы последовательно снижается с 2005 г., несмотря на то что значение параметра «миграционные сети, ПК» для этой страны наибольшее. Существование пределов положительного влияния факторов «миграционные» и «этнические» сети можно объяснить прежде всего демографическими ограничениями стран исхода.

Фактор времени в данном случае означает как постепенное насыщение российского рынка труда, так и те же демографические ограничения, а в моделях по данным текущего учета того же периода — снижение особой роли России на постсоветском пространстве.

Таким образом, выявленные факторы миграционного прироста населения в России, как и мировые модели, не дают оснований ожидать увеличения миграционного прироста в нашей стране в долгосрочной перспективе. Возможно, в будущем проявится положительное влияние снижения доли молодежи в населении России, которое начнется с 2010 г., до сегодняшнего дня это было невозможно из-за высокой корреляции этого показателя с фактором времени (табл. 5). Но, как показывают мировые модели, это влияние не может быть большим.

3. Перспективы миграционного прироста населения в России. Особенности стран исхода

Модели второго периода показывают существенное влияние миграционно-этнических сетей. При этом предполагается, что для тех стран, для которых построена модель, предел значений, при котором достигается максимум положительного влияния этих факторов, одинаков. В действительности это не так. Достаточно сравнить табл. 5 и 6 (модели В и С), чтобы увидеть, что для стран Балтии эти предельные значения в несколько раз меньше, чем для остальных 11 новых независимых государств.

Итак, для того чтобы понять, каким может быть миграционный прирост в России в среднесрочной перспективе, нужно учитывать особенности стран исхода — основных миграционных доноров России. При этом, помимо демографического фактора, относительно легко поддающегося прогнозированию, следует определить, какими могут быть максимальные значения параметров «миграционные» и «этнические» сети для каждой страны и от чего они зависят.

Чтобы разобраться в этом, построим таблицу максимальных на сегодняшний день значений этих параметров для каждой страны (табл. 8) в процентах от численности населения страны исхода. Страны в таблице расположены в порядке убывания уровня экономического развития в 2009 г. Максимумы указаны на начало года. Максимальные значения, которые приходится не на последний год, после которого наблюдалось последовательное снижение, выделены жирным шрифтом. Численность населения дана для справки, тыс. человек в 2008 г. (данные Всемирного Банка).

Таблица 8. Максимальные значения параметров «миграционные» и «этнические» сети для 14 стран

| Страна | Миграционные сети, ТУ | Этнические сети | Миграционные сети, ПК | Численность населения |
|--------------|--------------------------|---------------------|--------------------------|--------------------------|
| Эстония | 4.69 (1999) | 2.56 (1989) | 6.78 (2004) | 1341 |
| Литва | 1.36 (2001) | 1.91 (1989) | 8.55 (2009) | 3358 |
| Латвия | 4.48 (2002) | 1.74 (1989) | 6.87 (2007) | 2256 |
| Беларусь | 1.19 (1991) | 11.86 (1989) | 4.68 (2009) | 9681 |
| Казахстан | 14.61 (2003) | 4.41 (2001) | 26.26 (2009) | 15 675 |
| Азербайджан | 6.72 (2000) | 7.55 (2003) | 13.56 (2003) | 8679 |
| Туркменистан | 3.54 (2004) | 1.11 (1989) | 6.18 (2001) | 5028 |
| Украина | 1.79 (2010) | 8.43 (1989) | 30.52 (2009) | 46 258 |
| Армения | 11.99 (2010) | 39.37 (2010) | 17.02 (2009) | 3077 |
| Грузия | 11.07 (2010) | 4.65 (2010) | 20.48 (2004) | 4364 |
| Узбекистан | 3.40 (2010) | 0.63 (1989) | 7.92 (2009) | 27 314 |
| Молдова | 4.97 (2010) | 5.19 (2010) | 52.59 (2009) | 3633 |
| Кыргызстан | 8.24 (2010) | 1.11 (2010) | 18.45 (2009) | 5278 |
| Таджикистан | 6.12 (2000) | 2.24 (2010) | 18.69 (2009) | 6836 |

Итак, если сравнивать максимальные значения, уже пройденные странами, то можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, все максимальные значения миграционно-этнических сетей отрицательно связаны с уровнем экономического развития, численностью населения страны и параметрами экономического роста.

Во-вторых, они связаны между собой. Фактор «этнические сети» определяющий в этой тройке: его низкие значения будут серьезным ограничением для возможных максимумов двух других параметров, хотя высокие значения ничего не гарантируют. Низкие значения параметра «миграционные сети, ПК» сдерживают миграционный прирост постоянного населения. Напротив, высокий уровень присутствия в России граждан какого-либо другого государства может привести к росту параметра «миграционные сети, ТУ» (сегодня примером тому служат Молдова и Беларусь), поскольку часть людей осядет в России.

Тот факт, что уже пройденные максимумы положительно связаны с долей русскоязычного населения в стране исхода, говорит о том, что эти максимумы — результат первой волны (первого этапа) миграции на постсоветском пространстве, когда определяющим было возвращение на прежнее место жительства.

К странам, прошедшим максимумы в результате первой волны, относятся государства Прибалтики, Казахстан и Туркменистан. Решающим обстоятельством явилось то, что эти страны к моменту прохождения максимума параметра «миграционные сети, ТУ» сумели значительно улучшить свое экономическое положение по сравнению с Россией.

Сейчас мы находимся на гребне второй волны, волны трудовой миграции. Первые максимумы этой волны достигнуты Азербайджаном, и это связано с его быстрым экономическим ростом. Хотя максимумы пройдены Азербайджаном еще в начале 2000-х годов, все же их следует отнести ко второй волне, поскольку миграция из этой страны привела к существенному росту численности этнических азербайджанцев в постоянном населении России.

Следующими своих максимумов достигнут Украина, Беларусь и Молдова. Здесь главным признаком служит достаточно последовательное снижение миграционного сальдо пересечений российской границы в последние годы. За этими странами будут другие. Можно сказать, что мы стоим на пороге нового, третьего этапа в истории миграционного прироста населения в постсоветской России.

Первый этап совпадает с первой волной миграции. Второй этап характеризуется ростом положительного влияния на миграционный прирост в России складывающихся миграционных и этнических связей.

На третьем этапе под влиянием экономического роста и демографических ограничений страны одна за другой начнут проходить через свои максимумы параметров «миграционные» и «этнические» сети. Как следствие, положительное влияние этих факторов будет снижаться.

На четвертом этапе усилится влияние обратной миграции, когда бывшие иммигранты, достигнув пенсионного возраста, будут возвращаться домой, туда, где лучше климат и дешевле жизнь (сегодня пенсионеры уже возвращаются в Беларусь). На этом этапе миграционное сальдо населения в России может стать даже отрицательным: это зависит от того, насколько привлекательным окажется к тому времени качество жизни в России.

Итак, в обмене с каждой страной миграционный прирост населения в России сначала растет, а затем, после достижения определенного уровня насыщения, снижается. Чего же ожидать в ближайшем будущем?

В 2009 г. рост миграционного сальдо *постоянного* населения России произошел в основном благодаря увеличению притока мигрантов из Таджикистана (на 6.3 тыс. человек). Кроме Таджикистана, число прибывших в Россию увеличилось только из Молдовы (на 914 человек) и Армении (на 537 человек). Увеличение миграционного прироста из Беларуси и Украины произошло благодаря уменьшению числа выбывших. В последние два года (2008 и 2009 гг.) в обмене населением с 6 странами постсоветского пространства (Латвия, Литва, Беларусь, Казахстан, Туркменистан, Украина) и в целом со странами за пределами бывшего СССР наблюдается снижение числа как прибывших, так и выбывших из России.

Чтобы понять, когда следует ожидать общего снижения миграционного прироста постоянного населения, рассмотрим его динамику по месяцам (табл. 9).

Таблица 9. Миграционный прирост населения в России по месяцам, ТУ (человек)

| Месяц | 2007 г. | 2008 г. | 2009 г. | 2010 г., прогноз |
|----------|---------|---------|---------|------------------|
| Январь | 12 491 | 18 618 | 16 193 | 16 193 |
| Февраль | 16 615 | 20 044 | 19 745 | 19 745 |
| Март | 18 962 | 19 778 | 21 682 | 21 682 |
| Апрель | 21 382 | 23 612 | 23 495 | 23 495 |
| Май | 24 251 | 21 207 | 21 564 | 21 207 |
| Июнь | 23 608 | 20 656 | 26 515 | 20 656 |
| Июль | 22 160 | 21 683 | 23 294 | 21 683 |
| Август | 20 658 | 18 226 | 19 008 | 18 226 |
| Сентябрь | 18 936 | 18 499 | 20 012 | 18 499 |
| Октябрь | 20 001 | 19 078 | 18 938 | 18 938 |
| Ноябрь | 20 180 | 18 486 | 17 110 | 17 110 |
| Декабрь | 20 623 | 22 212 | 19 892 | 19 892 |
| Всего | 239 943 | 242 106 | 247 449 | 237 326 |

Источник данных за 2007–2009 гг.: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>

Пояснения, почему графа «Всего» не вполне соответствует сумме остальных, на сайте отсутствуют. Возможно, данные будут уточняться. 2010 г. — прогноз автора.

Из табл. 9 видно, что с декабря до середины следующего года, как правило, отмечается рост показателей; наибольшие значения — с апреля по июль, затем снижение. В первые месяцы 2007 г. вследствие вступления в действие нового миграционного законодательства показатели миграционного прироста стремительно увеличивались. Вполне вероятно, что с мая 2007 г. по апрель 2008 г. наблюдалось компенсационное завышение показателей после заниженных значений предшествующего периода. Вполне вероятно также, что с октября 2008 г. по сентябрь 2009 г. значения были завышены из-за экономического кризиса.

Если обе эти гипотезы верны, то снижение миграционного прироста в России начнется уже в текущем году. В случае, когда в 2010 г. миграционный прирост с мая по сентябрь был бы таким же, как в 2008 г., а в остальные месяцы, — как в 2009 г., годовой миграционный прирост оказался бы меньше, чем в 2007 г. В действительности же он может оказаться немного больше, чем показано в последней графе табл. 9, потому что с октября по декабрь 2009 г., по-видимому, наблюдалось компенсационное занижение показателей миграционного прироста после завышенных значений во время кризиса.

Итак, в 2010 г. снижение миграционного прироста будет в основном компенсационным после завышенных значений 2009 г., но в дальнейшем снижение продолжится, поскольку вступят в действие демографические ограничения в странах исхода.

Что же касается сальдо пересечений российской границы иностранными гражданами, то существующая в настоящее время достаточно четкая тенденция к снижению (табл. 3), скорее всего, продолжится. Небольшое увеличение в 2008 г. останется кратковременным эпизодом, обусловленным мировым экономическим кризисом.

4. Заключение

Рассмотрим, насколько важно для России, какой будет динамика миграционного прироста, и какая стратегия России в этом плане предпочтительнее.

На рис. 2 показана динамика возрастной структуры населения России. После 2009 г. расчеты выполнены автором на основе предположений о том, что возрастные коэффициенты смертности и миграционного прироста останутся на уровне 2008–2009 гг., а рождаемость к 2030 г. достигнет уровня простого воспроизводства. Поскольку и смертность, и миграционный прирост в перспективе будут снижаться, динамику численности взрослого населения на графике можно считать умеренно-оптимистичной, а относительно рождаемости данный прогноз *сверхоптимистичный*. Но даже в этом случае снижения численности

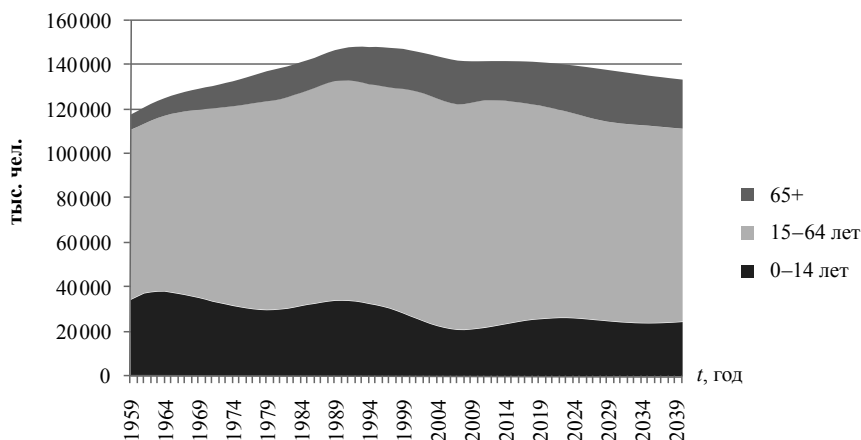


Рис. 2. Возрастная структура населения России

Источники: 1959–1989 — <http://www.mortality.org>;
1990–2009 гг. — <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>;
далее — сверхоптимистичный вариант прогноза автора.

населения не удастся избежать. Таким образом, задача поддержания в долгосрочной перспективе неизменной численности постоянного населения является примером неудачной цели для миграционной политики, аналогичной задаче для России в 2020 г. стать пятой экономикой мира.

Наиболее существенно для благосостояния россиян то, что после 2011 г. будет снижаться численность экономически активных людей³ и их доля в населении (рис. 3). Сейчас доля в населении России возрастной группы 15–64 лет по мировым меркам очень большая, даже выше, чем в Китае. Например, в США этот параметр в 2007 г. составлял 67.1%, в Евросоюзе — 66.7%, в Японии — лишь 65.6%. Поэтому в том, что данный параметр будет снижаться, в принципе нет ничего страшного. Проблемой для российской экономики будет то, что с 2012 г. по 2025 г. это будет происходить очень быстро. При меньшей рождаемости снижение доли экономически активного населения будет идти чуть медленнее, но общая картина останется той же. Поэтому в любом случае с 2012 г. экономика России будет вынуждена быстро переходить от использования дешевого труда к капиталоемким технологиям. Особенно сложным окажется период с 2015 г. по 2030 г.

Сгладить этот переход, уменьшить вероятность серьезного экономического кризиса могла бы помочь масштабная трудовая миграция. Но демографическая ситуация в мире меняется: сегодня совокупная численность детей на планете меньше, чем 10 лет назад. Это значит, что противодействие нежелательной иммиграции, которая составляет основу современной иммиграционной политики в развитых странах, уже в 2020-е годы может смениться конкуренцией за иностранную рабочую силу.

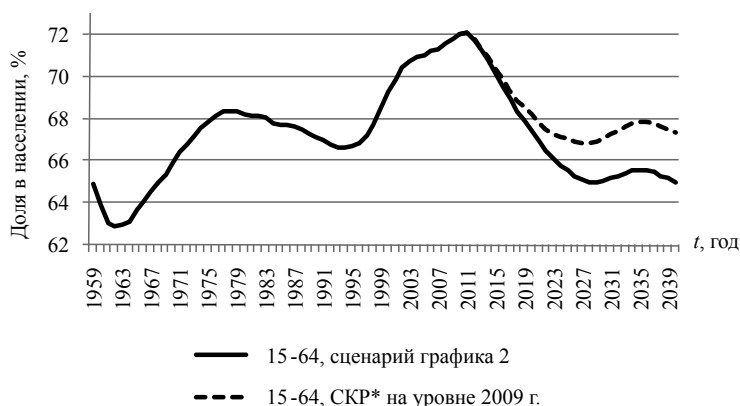


Рис. 3. Доля в населении России возрастной группы 15–64 лет

*СКР — суммарный коэффициент рождаемости.

Следовательно, вопрос заключается в том, в какой степени Россия будет к этому времени привлекательна для международной миграции. Ведь тех потенциальных иммигрантов, которых Россия оттолкнет сегодня, она потеряет навсегда. Поэтому задумываться над этим необходимо уже сейчас.

³ Учитывая возрастные коэффициенты экономической активности, динамика возрастной группы 14–64 лет точнее отражает ситуацию, чем динамика численности людей трудоспособных возрастов.

Между тем ситуация для российской экономики действительно будет очень сложной, поскольку такого быстрого и масштабного снижения доли экономически активного населения до сих пор не было нигде в мире. Например, в Японии этот процесс начался раньше и протекает сегодня быстрее, чем в других странах (с 1992 г. доля Японии в мировой экономике снизилась на 30%), но в России он будет идти как минимум в 1.2 раза быстрее, чем в Японии.

Поэтому, исходя из вышесказанного, России, по мнению автора, необходимы следующие меры миграционной политики.

1. Прежде всего это отмена квотирования привлечения иностранной рабочей силы из государств с безвизовым режимом. Опыт последних лет говорит о том, что институт квот не достигает заявленных целей и приводит к росту коррупции.

Исследования показывают, что после того как с целью защиты внутреннего рынка труда квоты были уменьшены⁴, размер взяток за получение разрешения на работу вырос многократно, и при этом значительно участилось использование труда иммигрантов без заключения трудового договора. А это означает, что иностранные работники стали еще более бесправны.

Так, свыше 40% опрошенных таджикских мигрантов сообщали, что им сократили зарплату, задерживали ее выплату или вообще не заплатили за выполненную работу. Участились случаи торговли людьми (Олимова, Олимов, 2010). Обманы, невыплата зарплаты со стороны работодателей не дают мигрантам возможности вовремя вернуться на родину, а отсутствие трудового договора — обратиться в прокуратуру за защитой своих прав. В то же время полностью бесправные мигранты становятся особенно выгодны тем работодателям, которые готовы нарушать закон и давать взятки проверяющим органам.

Таким образом, применение квот на иностранную рабочую силу в России по отношению к безвизовым мигрантам приводит к массовым нарушениям прав человека и одновременно увеличивает теневой сектор экономики, приводя к налоговым потерям бюджета.

В условиях отсутствия института квотирования работник, которого используют без оформления трудового договора, получит возможность обратиться за защитой в прокуратуру, милицию или в миграционную службу, не боясь штрафа или депортации. Любые санкции в отношении мигрантов должны применяться только по решению суда. Иммигранты, защищенные законом, будут менее выгодны работодателям, при этом одновременно повысится относительная выгодность труда россиян.

2. Цели долгосрочной миграционной привлекательности России могли бы служить образовательные программы в странах постсоветского пространства. Возможно, в рамках частно-государственного партнерства. Очень желательны также программы обучения и переобучения мигрантов, наряду с россиянами, на территории России. На это могут быть направлены средства, сэкономленные за счет отмены института квотирования труда безвизовых иммигрантов.

3. Россия должна стать страной, более привлекательной и для проживания, и для ведения бизнеса. Необходимы программы оздоровления экологической обстановки на территории страны. Следует жестко пресекать агрессивные действия, направленные против иммигрантов, на это нужна политическая воля.

⁴ В 2008 г. в России легально трудились 2425.9 тыс. иностранных работников. В 2009 г. квота на привлечение труда иностранцев снизилась до 1807.2 тыс. (на конец года), а в 2010 г. она составляет 1944.4 тыс. человек.

Наконец, бизнес в России должен быть более защищенным от коррупции. Учитывая, что наилучшее противоядие от нее — это принципиальная сменяемость власти, начинать необходимо с честных выборов и либерализации выборного законодательства.

В целом эти положения лежат в русле выводов доклада Института современного развития, председателем попечительского совета которого является действующий президент России (ИНСОР, 2010). Но если не дополнить предлагаемые докладом действия либеральным миграционным законодательством, в период 2015–2030 гг. России будет трудно избежать глубокого экономического и, как следствие, политического кризиса.

Список литературы

Алешковский И. А. (2005). Моделирование миграционных процессов. *Экономические исследования молодых ученых*, 3. М.: ТЕИС, 3–32.

Демографический ежегодник России (2008, 2009). Статистический сборник, Росстат.

Демоскоп Weekly, www.demoscope.ru.

Денисенко М. Б. (1995). Математические модели миграции населения. В кн.: *Современная демография*. Под ред. А. Я. Кваши, В. А. Ионцева. М.: Издательство МГУ.

ИНСОР (2010). Россия XXI века: образ желаемого завтра. http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra.pdf.

Лифшиц М. Л. (2009). Анализ факторов миграционного прироста населения в России как основание для оптимальной иммиграционной политики. *Прикладная эконометрика*, 4 (16), 85–115.

Массей Д. С. (2007). На пути к всеобъемлющей модели международной миграции. *Миграция и развитие*. Сб. докладов Международной конференции «Миграция и развитие». Москва. 13–15 сент. 2007 г., ред. В. А. Ионцева. *Научная серия. Международная миграция населения: Россия и современный мир*. 20, 146–171. М.: СП Мысль, Би-эль Принт.

Олимова С., Олимов М. (2010). Таджикские трудовые мигранты во время кризиса. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0415/tema03.php>.

ООН (1998). Рекомендации по статистике международной миграции. Первое пересмотренное издание. Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/metod/migr.pdf.

Рыбаковский Л. Л. (1973). Региональный анализ миграции. М.: Статистика.

Федеральная миграционная служба, www.fms.gov.ru.

Федеральная служба государственной статистики, www.gks.ru.

Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 19 июля 2009 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 30 июня 2006 г.).

Численность и миграция населения Российской Федерации (1999–2009). Статистический альманах, Росстат.

Alonso W. (1978). A Theory of movement. In: *Human Settlement Systems: International Perspective on Structure, Change and Public Policy*. Ed. N. M. Hansen. Cambridge, Massachusetts, Ballinger Publ. Comp., 197–211.

Dunlevy J. A., Gemery H. A. (1977). The role of migrant stock and lagged migration in the settlement patterns of nineteenth century immigrants. *Explorations in Economic History*, 29, 228–49.

Greenwood M. (1969). An analysis of the determinants of geographic labour mobility in the United States. *Review of Economics and Statistics*, 51 (2), 189–194.

Greenwood M., Hunt G. (2003). The early history of migration research. *International Regional Scientific Review*, 26 (1), 3–37.

Heinrich Boell Stiftung, www.migration-boell.de.

Kaa Dirk J. van de (1999). Europe and its population; the long view. In: *European Populations: Unity in Diversity*. Dirk J. van de Kaa et. al. (eds.). Kluwer Academic Publ., Dordrecht, 1–49.

Lee E. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3 (1), 47–57.

Levy M. B., Wadycki W. J. (1973). The influence of family and friends on geographic labor mobility: An intercensal comparison. *The Review of Economics and Statistics*, 55, 198–203.

MacDonald J. S., MacDonald L. D. (1974). Chain migration, ethnic neighborhood formation and social networks. In: Charles Tilly, ed. *An Urban World*. Boston: Little, Brown, 226–36.

Ravenstein E. G. (1989). The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*, 52 (2), 241–305.

Rogers A. (1967). A regression analysis of interregional migration in California. *The Review of Economics and Statistics*, 49 (2), 262–267.

Stewart J. (1947). Empirical mathematical rules concerning the distribution and equilibrium of population. *Geographical Review*, 37 (3), 461–485.

Szöke A. (2006). New forms of mobility among Western European retirees: German migrants in South-Western Hungary. In: *Migration Processes in Central and Eastern Europe: Unpacking the Diversity*. Publication of the Multicultural Center Prague, http://www.migration-boell.de/downloads/integration/Migration_Processes_in_CEE_MKC.pdf.

The Human Mortality Database, www.mortality.org.

Tilly C., Brown C. H. (1967). On uprooting, kinship and auspices of migration. *International Journal of Comparative Sociology*, 8, 139–64.

World Bank (2009). World Development Indicators.

Young E. C. (1924). The Movement of the farm population. *New York Agricultural Experiment Station, Bulletin* 426. Ithaca.

Zelinsky W. (1971). The hypothesis of the mobility transition. *Geographical Review*, 61 (2), 221–222.

Zelinsky W. (1979). The impasse in migration theory: a sketch map for escapes. Territorial mobility of population: rethinking its forms and functions, I. U. S. S. P. Papers No. 13, p. 18–20.

Zipf G. (1946). The P_1P_2/D hypothesis: On the intercity movement of persons. *American Sociological Review*, 11 (6), 677–686.